

массовых мероприятий. Содержание выставок, литературных вечеров было оторвано от проблем своего времени.

Подводя итоги развития библиотечного дела в Чувашии в период формирования советской государственности, следует отметить, что именно в эти годы были выработаны принципы становления и развития библиотечного дела в чувашских уездах, заложены основы планомерного развития сети библиотек и изд-читален, стали использоваться такие формы и методы их работы, которые получили широкое развитие на последующих этапах развития общества.

ГАРФ. Ф. 1235 (Всероссийский центральный исполнительный комитет (ВЦИК) и подведомственные учреждения).

ГИА ЧР. Ф. Р-123 (Облоно ЧАО).

ГИА ЧР. Ф. Р-125 (Облсполком ЧАО).

ГИА ЧР. Ф. Р-147 (Представительство ЧАССР при Президиуме ВЦИК).

ГИА ЧР. Ф. Р-202 (ЦИК ЧАССР).

ГИА ЧР. Ф. Р-203 (Совет министров ЧР).

ГИА ЧР. Ф. Р-221 (Министерство образования, науки и высшей школы Чувашской Республики).

ГИА ЧР. Ф. Р-225 (Ульяновский Чувашский педтехникум).

Культурно-просветительная работа в уезде // Красный клич. 1920. 1 янв.

Материалы Поволжского библиотечного объединения. Казань, 1926. Вып. 1. Чуваш. край. 1922. 16 дек.

УДК 94(470.64).084.5/.084.6

Ж. М. Аппаева

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ «РЕВОЛЮЦИОННЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ» В КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ в 1920–1940-х гг.

В статье рассматривается, как радикальная ломка обычаев и традиций кавказских горцев в 20–40-х гг. прошлого столетия затронула все стороны их жизни и коренным образом повлияла на их сознание, а эмиграция и депортация значительной части балкарского народа, его физическое уничтожение и репрессии против него привели к негативным последствиям, имели для него катастрофические последствия.

К л ю ч е в ы е с л о в а: советизация, искоренение обычаев, «раскрепощение женщин», деформация сознания, трудовое, эстетическое, патриотическое воспитание.

Одним из самых бурных и противоречивых периодов истории Северного Кавказа были два первых десятилетия XX в., когда многочисленные партии и общественно-политические течения, действовавшие здесь, столкнулись в борьбе за власть. Одни вышли из нее победителями, другие потерпели поражение. Проиграли и те, кто из моральных, гуманных соображений не только не принимал участия в кровавом конфликте, а наоборот, призывал людей к гражданскому миру и согласию. Большинство народа видело смысл жизни в мирном труде и спокойном существовании. И потому попытки представить, что на Северном Кавказе произошел тотальный раздел на два противоборствующих лагеря, почвы под собой не имеют. Среди тех, кто выступал против насилия и кровопролития, было немало представителей горской интеллигенции.

В конце 1920-х гг. здесь сложилась сталинистская репрессивная политическая система, которая имела некоторые специфические черты в национальных регионах, придавала деятельности местных большевистских руководителей своеобразную окраску. Некоторые из особенностей «революционных преобразований» в 1920–1940-х гг. в Кабардино-Балкарии будут рассмотрены в этой статье.

После установления советской власти многие представители местных князей, дворян, офицеров царской армии, духовенства, нарождающейся буржуазии, интеллигенции, предчувствуя, что новая власть не пощадит их как «бывших», своих классовых врагов, имели благоразумие искать спасения в чужих краях. Волна эмиграции выплеснула цвет кабардинского и балкарского народов на Ближний Восток и Запад. Другие же, не видя за собой никаких грехов, вначале по наивности понадеялись на лояльность властей, но после начавшихся репрессий их иллюзии рассеялись. Выжившим в той страшной обстановке не было дано раскрыть свой интеллектуальный и духовный потенциал.

Эмиграция и уничтожение интеллигенции с одновременной массовой кампанией по оболваниванию населения так называемыми классовыми ценностями сбросили Кабарду и Балкарию в пучину невежества и неграмотности. Не случайно лидер местных большевиков Бетал Калмыков в те годы говорил, что здесь «не находилось и десятка вполне грамотных» [Калмыков, с. 108], что полностью соответствовало действительности. Чем же новой власти могла помешать интеллигенция? Причин много. Главная – в идеологической установке большевиков на уничто-

жение как класса «эксплуататорских элементов», «буржуазной интеллигенции», «реакционного духовенства». Но была и еще одна причина, весьма существенная, заключавшаяся в том, что хорошо образованные люди резко контрастировали с представителями малограмотной, а то и вовсе неграмотной партийной и советской бюрократии, и этим, сами того не желая, ее дискредитировали. Для того времени было вполне нормальным явлением, когда, например, Б. Калмыков, имея два класса образования, возглавлял целую область, а ответственные посты самого разного уровня занимали недавние бойцы Красной армии, в большинстве своем неграмотные. И это в то время, когда в Нальчике еще оставались по-настоящему образованные люди.

Местные власти, поняв по-своему указания из Кремля, выстроили свою линию по советизации местного населения, естественно, не умея и не желая понять его специфику, не считаясь с реалиями жизни и последствиями своих действий.

Одной из важнейших задач, стоявших перед властями КБАО, было пресловутое «раскрепощение» горянок. Ни один вопрос у нас не подвергся столь значительному искажению, как женский. Во-первых, нередко положение кавказских горянок стремятся идентифицировать с судьбой женщин мусульманского Востока. На самом же деле на протяжении нескольких веков ислам так и не сумел заставить отказаться наших предков от своих обычаев и традиций, а, наоборот, сам трансформировался, пройдя сквозь их горнило, и приспособился к «законам гор».

В некоторых жизненных ситуациях слово женщины здесь было даже весомее слова мужчины. В подтверждение этого можно привести два классических примера из жизни горцев. Когда сходятся две враждующие стороны и вот-вот может пролиться кровь, и уже ничьи слова не способны возыметь воздействия, стоит женщине снять с головы платок и бросить его между врагами – они расходятся. Или другой пример: мужчина, прибегающий к покровительству женщины, становится неприкосновенным. Это ли не свидетельство непререкаемого авторитета женщины?!

Можно привести и множество бытовых примеров, служащих доказательством того, что в традиционном горском обществе женщина пользовалась всеобщим почетом и уважением. Женщина в горах не должна была преследоваться по закону кровной мести, изгоняться из общества и так далее. Но все же необходимо отметить, что всей полнотой свободы, и прежде всего свободой передвижения, она не обладала. Но нуждалась ли она в подобного рода свободе? История свидетельствует о том, что женщина не просто мирилась со своим положением в обществе, а была им вполне довольна.

В советский период понятие свободы стало ассоциироваться с вовлечением женщины в производство, часто в ущерб ее основным функциям по деторождению и воспитанию подрастающего поколения, которые в горском обществе считались самыми полезными и почетными. О том, что в дореволюционный период женщины вполне были удовлетворены своим социальным положением, свидетельствует тот факт, что после Октябрьской революции они никак не хотели «раскрепощаться», и потому властям приходилось их «освобождать от гнета» насильственными методами.

Вот как, например, проводилась кампания «пальто – горянке». Дело в том, что, по обычаю гор, молодым женщинам и девушкам считалось неприличным носить пальто. Это объяснялось тем, что им не приходилось ходить дальше, чем к соседке, и при этом вполне можно было обойтись теплой шалью. Ситуация изменилась, когда горянка стала работать на производстве. Теперь уже пальто ей было крайне необходимо. Однако эту кампанию начали проводить преждевременно, до того, как в этом появилась настоятельная необходимость. На горянок напяливали пальто, и несчастные женщины должны были идти по селению под насмешки односельчан. Психология горцев была такова, что ношение пальто молодыми женщинами воспринималось как нарушение горских законов. Наши горянки после подобных актов переживали чувство человека, которого выставили на всеобщее посмешище.

Надо заметить, что в 20–30-х гг. XX в. даже наиболее косные обычаи не стали тормозом в развитии горских обществ, конфликтов не сулили, и с решением этих вопросов даже в форме мирных реформ вполне можно было подождать и сделать это без покушения на честь и достоинство человека.

Можно остановиться еще на одном примере «раскрепощения горянок». Суть этого метода хорошо раскрыта кабардино-балкарским лидером Беталом Калмыковым в речи, произнесенной на IV полномочном съезде Советов Кабардино-Балкарской автономной области «За полное раскрепощение женщины-горянки» (22 декабря 1924 г.): «У меня хранятся документы, где сельские исполкомы указывают, что ни одна женщина не находится, которая бы хотела ехать учиться. Пришлось бросить жребий, и те, на кого он пал, хотели вешаться. Были случаи, когда их связывали и связанных везли до Нальчика, и здесь сдавали в учебный городок» [УЦГА АС КБР, ф. Р-2, оп. 1, д. 119, л. 99]. Подобное варварство было вполне в духе и во вкусе авторитарного режима.

Одновременно с этим последовало покушение не только на моральное, но и физическое здоровье женщин. По обычаям гор, самые тяжелые работы, прежде всего сельскохозяйственные, выполнялись исключитель-

но мужской половиной населения. После организации колхозов поголовно все население выгонялось в поле. В связи с этим Б. Калмыков бахвалился, что приоритет в этом начинании принадлежит ему. И стар, и млад в любую погоду вынуждены были выходить в поле, иначе грозило наказание «по всей строгости революционного закона». Были случаи, когда, как тунеядцев, репрессировали 70–80-летних стариков. В особенно тяжелом положении оказывались престарелые люди и кормящие матери, вынужденные брать в поле малолетних детей. Чтобы малыши не распозались, не разбегались по полю и не становились добычей диких зверей, в поле выкапывали ямки и оставляли в них исходивших от крика и плача детей.

В те годы сверху спускали много циркуляров, декретов, каждый из которых, используя пушкинское выражение, был «писан кровью». Власти грубо и бесцеремонно вмешивались в личную, семейную жизнь людей, регулировали ее по своему усмотрению. Политика насилия и произвола становилась государственной. Горцы отступили перед новыми законами (вернее, беззаконием), но не вследствие большей конкурентоспособности новых правовых норм по сравнению с прежними обычаями, а из-за страха и непонимания смысла происходящего. Теперь можно было поставить человеку в вину то, что он имеет неподходящих в классовом отношении родителей, как будто человек волен выбирать себе отца и мать, или же его материальное благосостояние могло показаться слишком высоким, а образованность – чрезмерной. Да мало ли в чем он мог оказаться «виновным»? Не угодил властям – будь добр, отвечай «по всей строгости революционного закона». А если «партия прикажет», то можно было, подобно Павлику Морозову, предать и отца родного или отречься от родственников – «врагов народа».

Естественно, что подобные поступки люди не могли совершать без соответствующей деформации сознания, поскольку у каждого народа самой священной была заповедь – «чти отца и мать свою». Для этого нужна была специальная подготовка, необходимо было пройти особую школу. Какой она была? Чему и как учили в ней детей? Каковы были основные направления и методы воспитания учащихся? Вот характерный образец политизации системы просвещения, воспитывавшей людей, фанатически преданных «идеям революции».

Об одном из импульсов, получаемых в школе, рассказывалось в газете «Карахалк» от 12 марта 1926 г. [см.: Медресе...]: «После большой работы, проведенной ячейкой ВКП(б) и учителем родного языка, школа В. Баксана оживилась... Дети хорошо усвоили гимн пролетариата “Интернационал” и несколько других революционных песен». О прочих познаниях детей скромно умалчивается.

Не менее «идейными» должны были быть и учителя. Чтобы обеспечить идеологическую чистоту наставников молодежи, надлежало «...усиливать борьбу с аполитичностью учительства и примиренческим отношением к ней, очищением рядов просвещенцев от идеологически чуждых элементов» (Договор о социалистическом соревновании общественных организаций и органов народного образования Кабардино-Балкарии и Северной Осетии) [УЦГА АС КБР, ф. Р-2, оп. 1, д. 26, л. 125]. И в этом документе не нашлось места для упоминания о профессиональных и нравственных качествах педагогов.

Население от мала до велика постоянно призывалось к всеобщей бдительности, устрашалось тем, что и внутри страны «неугомонный не дремлет враг». Не случайно местный вождь Б. Калмыков неустанно повторял: «Плох тот большевик, который не замечает чужих людей, надевших на себя советский ярлык. Хороший большевик тот, кто это понимает и дает отпор провокаторам, разгадывает под личиной советского человека истинного врага» [Калмыков, с. 209]. Под такими лозунгами несколько десятилетий велась «охота на ведьм».

Одним из важных направлений деятельности государства и школы был воинствующий атеизм. Если до революции в каждом ауле была одна, а то и несколько мечетей, то через короткое время они были уничтожены, а «реакционные» муллы репрессированы. Чтобы воспитать детей в духе неприятия религии, на уроках их заставляли хором и поодиночке повторять: «Бога нет». Цепenea от страха, проклиная в душе своих учителей, несчастные жертвы повторяли: «Бога нет». Способы отлучения от ислама были изощренными. Чтобы не допустить фактов соблюдения учащимися Уразы, в месяц Рамазан их заставляли публично пить воду. Неусыпное око местных властей следило и за тем, чтобы и в семье детей не приобщали к религии.

Крайней примитивностью отличалось эстетическое воспитание. Так, категории прекрасного и безобразного разделялись по классовому признаку: то, что у нас – прекрасно, а то, что в прошлом или за кордоном – безобразно. Традиционная мораль устарела и должна остаться в прошлом, новая – обращена в будущее, и т. д. и т. п. Собственно, невежественные, полуграмотные учителя не были способны дать более глубокие знания. В то же время под громкие призывы и лозунги одно за другим проводились мероприятия по борьбе с «пережитками прошлого». Цинизмом были пропитаны уверения о том, что они устраивались по инициативе трудящихся. В то же время, то ли по недоразумению, то ли с откровенной наглостью, документы, печать пестрели фразами типа «принудить

добровольно сдать», «принудить добровольно выполнять» и т. д. Народ метко охарактеризовал этот принцип: «на добровольных началах, насильственных концах».

Трудовое воспитание школьников представляло собой принудительную, причем бесплатную, работу (чаще всего в колхозах – на прополке, уборке урожая), которая нередко затягивалась до самой зимы. Одетые в лохмотья дети нередко копались в земле в дождь, ветер, снег, уже в юном возрасте зарабатывали хронические болезни. Были случаи и со смертельным исходом.

На протяжении всех послереволюционных лет ключевые позиции в системе образования занимало военно-патриотическое воспитание. Духом милитаризма были пропитаны все учебные заведения. К примеру, хотя Ленинский учебный городок в Нальчике считался гражданским учреждением, упоминая о нем, М. В. Фрунзе именует его военным городком. Самый воздух в учебных заведениях был как бы отравлен ненавистью ко всем «непролетарским» элементам, «буржуйам», а боевым кличем стали слова: «Даешь мировую революцию!», «Экспроприация экспроприаторов», «Весь мир насилия мы разрушим» и т. д.

Подобными идеями было сравнительно просто напичкать учащихся, ибо, изображая «буржуев» в самом черном свете, а мир капитализма – как земной ад для пролетариата, идеологи прекрасно понимали, что людей, получавших одностороннюю, тенденциозную информацию, убедить в этом было несложно. Куда труднее было решить проблему воспитания в духе патриотизма, любви к коммунистической Отчизне, мыслимой в масштабах всей планеты.

По существу, это явилось ничем иным, как космополитизмом. Главным препятствием на пути космополитизации сознания горцев была их страстная любовь к отчужденному краю. Потребовалось ослабить их привязанность к малой Родине – Кавказу. Потому в выступлениях в печати замельтешили выражения, подобные «черным скалам» и «мрачным горам». И, конечно же, вполне понятно, какие чувства стремился вызвать автор статьи, писавший: «Веками давленные в тисках голых скал, невежества и отсталости...» [Коммунист, 1921, 6 мая].

Потоком хлынули различного рода опусы, утверждающие, что якобы мысль и воля горца подавлялись и природой, и религией, и всем укладом жизни. Уж если общепризнанные красоты наших гор подвергались подобной обструкции, то можно представить, какой натиск пришлось выдерживать обычаям, которые, несомненно, были и более хрупкими, и более уязвимыми. Вот какую оценку им давала газета «Карахалк» от 1 сентяб-

ря 1925 г. (статья «Кузница культуры»): «Вековые нагромождения предрассудков, суеверий и обычаев прошлого». И далее восхвалялись милые душе большевика нововведения: «Здесь в стенах учебного городка (ЛПУга. – Ж. А.) вырабатывается новый взгляд на женщину как на товарища в работе, здесь привычное безотчетное почитание старших и рабское отношение к вышестоящим заменяется сознательной оценкой человека как общественно полезного работника» [Кузница...].

Искоренение старинных обычаев в 1920–1930-х гг. шло стремительно. Однако нетерпеливые большевики, стремясь как можно скорее увидеть коммунистический рай, подгоняли этот процесс. «Я считаю необходимым коренным образом переделать кабардинский быт, обычаи, традиции...», – требовал Б. Калмыков. Далее он продолжал: «Надо поставить крест и жесткой рукой, стальной рукой эти адаты, обычаи и права разбить» [Калмыков, с. 102, 108].

Никаких сомнений, никаких колебаний в отношении своей правоты у руководства не было: «Мы знаем, что вредно и что полезно для трудового народа Кабарды и Балкарии, и будем все вредное отбрасывать, а полезное внедрять в жизнь» [Там же, с. 108].

Конечно, не одного Калмыкова волновали эти проблемы. К их решению подключались руководители всех рангов. Даже те широчайшие полномочия, которыми наделил их центр, руководству области казались недостаточно полными и эффективными. «Для проведения культурной и политико-просветительной работы среди крестьянства КБАО выявилось, что дальнейшая советизация в стране невозможна без радикальной ломки закостенелого полудикого быта горского населения и его полного перевоспитания в смысле отрешения от феодально-крепостных горских традиций», – писало в Москву, во ВЦИК, местное правительство [УЦГА АС КБР, ф. Р-2, оп. 1, д. 120, л. 8].

Правда, сначала еще находились смельчаки, которые пытались критиковать виновников сложившегося в государстве положения, их невежество и некомпетентность, вообще произвол властей. «Что и говорить о всей стране, и даже о центре ее, когда здесь, в Северокавказском крае и даже в краевом центре, не имеют должного (правильного) представления об этих областях, а подчас эти представления, даже у ответственных работников, бывают превратными», что, по мысли автора, приводит к неправильной политике как в центре, так и на местах [см.: Там же, д. 119, л. 201]. В этом виделся «главный корень порою наблюдающегося самодурства, ошибок и даже злоупотреблений». К сожалению, явления эти происходили «не порою», как пишет автор, должно быть из опасения

быть обвиненным в нелояльности к советской власти. Такие выступления были гласом вопиющего в пустыне и тонули среди всеобщего хора «одобрения».

Подобные явления к 1940-м гг. прошлого века уже стали привычными. Совсем неожиданным и жестоким ударом для местных жителей стало известие о депортации балкарского народа. В марте 1944 г. по сфабрикованному обвинению балкарцев в пособничестве немцам весь народ был выслан в Среднюю Азию и Казахстан.

В истории человечества было немало случаев, когда этносы либо истреблялись, либо изгонялись со своих исконных территорий более сильными врагами. Но, даже искоренив народ, варвары не преследовали цели уничтожить все, что было связано с его именем, т. е. саму память о нем. Однако такое чудовищное явление имело место в годы сталинщины. Народы не только депортировались, уничтожалось все, что могло напомнить об их пребывании на родной для них земле. Даже простое упоминание названия национальности оказалось под запретом. В общем, депортированные этносы попросту были вычеркнуты из истории. Изгнание балкарского народа из отчего края незамедлительно сказалось на судьбе документальных и вещественных источников, которые, скорее всего, были уничтожены, поскольку в указе о депортации значилось, что балкарцы лишены своей государственности и выселены из родных мест навечно [см.: О переселении...]

Многие из уникальных свидетельств прошлого были безвозвратно утрачены и на родине, и на чужбине. Никто не позаботился о сохранности брошенного на произвол судьбы имущества депортированных. В результате исчезли представлявшие огромную историческую ценность «остатки прошлого», предметно зафиксировавшие наиболее характерные черты жизни этноса. Некоторые фрагменты культуры балкарцев сегодня уже невозможно проиллюстрировать в экспозиции местных музеев подлинными предметами.

Реальная жизнь при социализме и ее красочная интерпретация не имели между собой ничего общего. Однако определенным силам все же надо было доказать «преимущества» социализма над капитализмом, и в ход пошли различные уловки. Подобного рода искажений, фальсификаций, несправедливостей было великое множество.

Кузница культуры // Карахалк. 1925. 1 сент.

Медресе вытеснено школой // Карахалк. 1926. 12 марта.

О переселении балкарцев, проживающих в Кабардино-Балкарской АССР, и о переименовании Кабардино-Балкарской АССР в Кабардинскую АССР : Указ Президиума ВС СССР от 08.04.1944 г. // СПС КонсультантПлюс: Документы СССР – законодательство советского периода в КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: <http://ppt.ru/newstext.phtml?id=35214> (дата обращения: 11.02.2018).

УЦГА АС КБР. Ф. Р-2 (Исполком Кабардино-Балкарского областного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов).

УДК 94(575.4).084.5:304.44

М. Соегов

КАКУЮ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В ДЕЛЕ РАЗВИТИЯ ТУРКМЕНСКОГО ЯЗЫКА НЕС ОТВЕТСТВЕННЫЙ (ПЕРВЫЙ) СЕКРЕТАРЬ ЦК КП(б) ТУРКМЕНИСТАНА В 1928 г.?

В статье кратко освещаются те страницы из жизни и деятельности Шаймардана Нуримановича Ибрагимова (1899–1957), которые были связаны с его служебной деятельностью в Туркменистане в 1926–1928 гг., когда он руководил партийной организацией республики и непосредственно занимался проблемами национальной культуры, а именно вопросами дальнейшего развития туркменского языка. Большое значение в сознательном регулировании языковых процессов с внедрением в языковую практику адекватной языковой политики имел мартовский (1928 г.) пленум ЦК КП(б) Туркменистана, обсудивший вопрос о развитии национальной культуры в Туркмении. Обширное постановление, принятое на этом партийном форуме, послужило толчком для использования туркменского языка в разных сферах общества, а также стимулом его внутривидового развития на многие десятилетия. Тем не менее, советский период в истории туркменского языка характеризуется пренебрежением к его огромным внутренним ресурсам, когда предпочтение отдавалось заимствованиям в первую очередь из русского языка. В последние десятилетия наблюдается функциональное взаимодействие туркменского языка не только с русским, но и с английским и некоторыми другими языками.

К л ю ч е в ы е с л о в а: партийный деятель, пленум, доклад, туркменский язык, постановление, развитие.